

О ГЕНЕЗИСЕ КУШАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

При отсутствии нарративной традиции археологические данные оказываются по существу единственным и весьма важным источником сведений по многим кардинальным вопросам истории культуры кушан. Несомненно их значение и для понимания происхождения кушанских городов и поселений Северной Бактрии. Нельзя сказать, что эта проблема совсем не привлекала внимания исследователей, отдельные ее стороны

затронуты в ряде работ Г. А. Пугаченковой¹, Б. А. Литвинского², В. М. Массона³. Однако в целом она еще не получила должного освещения в научной литературе.

Конечно, и на современном этапе наших знаний столь сложный вопрос далек от разрешения, но некоторые его аспекты уже сейчас выявляются достаточно полно. Это стало возможным благодаря накоплению археологических источников по трем главным линиям: сплошная фиксация кушанских памятников, стратиграфические исследования и стационарные раскопки ряда из них. В качестве основы для выяснения генезиса кушанских поселений нами выбран Сурхандарьинский регион, где кушанские памятники пока изучены наиболее полно. Представляется, что выводы, сделанные при исследовании памятников этой области, можно спроецировать и на остальные районы Северной и, вероятно, Южной Бактрии, поскольку культурный процесс шел здесь в одинаковых историко-географических условиях.

К настоящему времени благодаря тотальному обследованию в Сурхандарьинском регионе зафиксировано 110 памятников, относящихся к кушанской эпохе⁴. Причем разведочными маршрутами охвачены все четыре основные географические зоны области: речные долины, адыры, предгорья и горы, а также высокогорье. Концентрация памятников по этим зонам различна — основная их масса располагается в долинах рек — 96, в адырах — 5, в предгорьях и горах — 9, а в высокогорных районах до сих пор не выявлено ни одного поселения этого времени. Можно думать, что уже обнаружено большинство кушанских памятников и увеличение их числа впредь будет небольшим, так как не обследованными остались лишь незначительные районы предгорий и гор. К тому же 27 памятников (что составляет 29% от общего их числа) изучены стратиграфически, а на 11 проводились стационарные раскопки большими площадями. Такое количественное и качественное накопление материала позволяет перейти к широким обобщениям по интересующей нас проблеме.

Не исключая существования различных вариантов и видов, сейчас можно наметить три главные группы кушанских поселений, различающихся по своему происхождению.

К первой группе относятся многослойные кушанские поселения с наиболее древней основой, восходящей к ахеменидскому времени и включающей также слои последующих периодов. Эта группа поселений наиболее малочисленна. В Сурхандарьинском регионе к ней могут быть отнесены Хаитабад-тепе⁵, Джандавлят-тепе⁶ и, возможно, Ханака-тепе (Халчаян). Правда, не исключено, что возникновение последнего связано уже с селевкидским временем, поскольку керамика, происходящая из нижнего слоя, по ряду деталей отличается от классических цилиндрико-конических

¹ Г. А. Пугаченкова, Халчаян, Ташкент, 1965; она же, Новое в изучении Дальверзин-тепе, СА, 1971, № 4, стр. 187—202.

² Б. А. Литвинский, Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и иноземные модели), сб. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 99—125.

³ В. М. Массон, Кушанские поселения и кушанская археология, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 11.

⁴ Э. В. Ртвеладзе, Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана, «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 74—85; она же, Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 93—103.

⁵ Наличие слоев ахеменидского времени на Хаитабад-тепе установлено работами Бактрийской экспедиции под руководством В. М. Массона.

⁶ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов, Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии, сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, стр. 14.

сосудов позднеахеменидского времени ⁷. В Таджикистане выявлено пока два подобных поселения — Калаи-Мир и Мунчак-тепе ⁸. Существовали они и в Южной Бактрии (Бактры ⁹, Дильберджин ¹⁰), где их было, вероятно, значительно больше. Характерно, однако, что из 16 известных на юге Узбекистана поселений ахеменидского времени 13 приходят в полное запустение и в последующие периоды уже никогда не обживаются ¹¹. Среди них и крупнейшее северо-бактрийское поселение типа зарождающегося или раннего города Кызыл-тене. Причины их упадка нельзя объяснить какой-то единственной причиной: здесь сказалось, вероятно, влияние различных факторов, в том числе военно-политических, географических и даже, возможно, культовых. Существенно одно обстоятельство — в дальнейшем продолжали существовать только те поселения, которые находились на трассах новых караванных дорог, возникших в связи с освоением новых переправ через Окс ¹². Один из этих путей шел через Термез вдоль долины Сурхандарьи (здесь расположены Хаитабад-тепе и Халчаян), а другой из Бактрии в Согд через Железные ворота (на этой дороге находилось Джандавлят-тепе).

В то же время поселения расположенные в адырной зоне в стороне от новых оазисов и крупных рек, как правило, забрасываются. Возникшие здесь впоследствии поселения греко-бактрийского и кушанского времени строятся рядом со старыми, но уже на новом месте. Такова, к примеру, топография поселений в Ургульском оазисе у кишлака Бандыхан, где Ялангтуш-тепе, возникшее в II—I вв. до н. э., было основано в стороне от поселений ахеменидского времени, но в пределах того же оазиса. Аналогична топография размещения ахеменидских и кушанских поселений в районе кишлака Талашкан. Кушанские поселения этой группы по своей планировке существенно отличаются от поселений двух других групп. Для них характерно отсутствие четкой планировки и неправильная конфигурация внешнего абриса, что, как подметил В. М. Массон, возможно, свидетельствует о стихийном процессе формирования поселений ¹³. Судя по некоторым аналогиям, процесс их сложения протекал следующим образом: первоначально у укрепленного бугра — цитадели возникало аморфное по своей планировке неукрепленное поселение, которое позднее окружали крепостными стенами, причем строители должны были учитывать уже имевшиеся внешние очертания ¹⁴. В последующие периоды (греко-бактрийский, кушанский) шел процесс приспособления к уже существовавшим границам поселения, хотя, несомненно, проводились работы по улучшению как фортификационной системы, так и внутренней планировочной структуры.

⁷ Пугаченкова, Халчаян, стр. 32—33.

⁸ М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 25; Н. Н. Забелина, Раскопки на городище Калаи-Мир, там же, стр. 131.

⁹ D. Schlu m b e r g e r, La Délégation archeologique a Bactres (1947), MDAFA, t. XV, P., 1957, стр. 9—13; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, 1954, стр. 134—135.

¹⁰ И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова, Дильберджин, ч. 2, М., 1977, стр. 4.

¹¹ Э. В. Ртвеладзе, К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана, СА, 1975, № 2, стр. 262—265.

¹² Подробно вопрос о древнейшей переправе и дороге разобран в моей статье «К локализации “греческой” переправы на Оксе» (ВДИ, № 4, стр. 182 сл.).

¹³ В. М. Массон, Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии, «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 4.

¹⁴ По аналогичной схеме складывались поселения доахеменидского и ахеменидского времени Бандыхан I и Бандыхан II.

Примечательно в то же время, что наряду с подобными памятниками в Северной Бактрии существовали поселения, которые строились по заранее продуманному плану и отражали, видимо, градостроительную политику бактрийских сатрапов ахеменидских царей. Таковы, к примеру, Кызыл-тепе, обведенное четким прямоугольником стен с башнями и рвом¹⁵, и, Талашкан-тепе I, построенное по круглому плану в один прием¹⁶.

Для кушанских поселений первой группы характерно деление их на три основных части: цитадель, расположенная в одном из углов или отдельно, основная часть — собственно «город», очень тесно застроенный и обнесенный мощными крепостными стенами с башнями и рвом, и округа, которая состояла из сельскохозяйственных угодий и, вероятно, культовых и погребальных построек. Как сейчас можно проследить, на столь древней основе сформировались кушанские поселения, в основном соответствующие крупным и небольшим городам, но не мелкие сельские поселения.

Вторую группу составляют многослойные кушанские поселения, в своей основе восходящие к греко-бактрийскому и даже, возможно, селевкидскому времени, однако археологически расчленить их пока не удастся. Среди них, вероятно, были и города, основанные Александром Македонским: Пардагви¹⁷ и Александрия Оксиана¹⁸, которую В. Тарн локализовал в Термезе, хотя эту гипотезу, как полагает Б. А. Литвинский, нельзя считать окончательно доказанной¹⁹.

На территории Сурхандарьинского региона выявлено уже около 20 памятников второй группы. Среди них до сих пор нет ни одного стерильного поселения греко-бактрийского периода, все они интенсивно обживаются и в последующие эпохи. Это можно объяснить, вероятно, различными причинами. Так, немаловажно, что большинство этих поселений было основано в долинах крупных рек, где условия для земледелия были гораздо более благоприятными, чем в адырной зоне. Кроме того, места новых поселений оказывались и наиболее удобными с географической и стратегической точки зрения, что обусловило в последующем их дальнейший рост.

Во вторую группу входят крупнейшие города Северной Бактрии — Термез, Дальверзин-тепе, Шахринау, Кей-Кубад-шах и другие, а также небольшие сельские поселения типа Шор-тепе. При кушанах они подверглись значительной перепланировке, во многом изменившей их первоначальный облик. Благодаря многолетним раскопкам Узбекстанской искусствоведческой экспедиции на Дальверзин-тепе можно достаточно полно охарактеризовать генезис поселений этой группы.

Детальная характеристика процесса формирования кушанского города на Дальверзин-тепе дана Г. А. Пугаченковой²⁰, мы же отметим наиболее важные его этапы. Первоначальное ядро поселения зарождается в юго-восточной части Дальверзин-тепе, вероятно, в III в. до н. э., на месте будущей цитадели, где для него был использован высокий лессовый останец,

¹⁵ Раскопки З. А. Хакимова и А. С. Сагдуллаева.

¹⁶ Талашкан-тепе I, как это сейчас выясняется, представляло собой очень сильно укрепленное поселение, обведенное стеной толщиной 5 м, усиленной мощными башнями диаметром около 10 м с двумя рядами бойниц. По всей вероятности, оно представляло собой крепость-убежище для окрестного населения, типа позднейших римских refugia.

¹⁷ V. M i p o r s k y, A Greek Crossing on the Oxus, BSOAS, vol. XXX, pt. I, 1967, стр. 45—53.

¹⁸ W. T a r n, Two Notes on Seleucid History, 2, Tarmita, JHS, vol. LX, 1940, стр. 89—94.

¹⁹ «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 280—282.

²⁰ П у г а ч е н к о в а, Новое о Дальверзин-тепе..., стр. 186—202.

омываемый с двух сторон естественным руслом древнего протока, которое нашло себе применение как ров. Несколько позднее, но в пределах греко-бактрийской эпохи, эта часть обводится пахсовой стеной толщиной более 2 м и превращается в укрепленный городок или крепость площадью немногим более 3 га. К северу складывается неукрепленное поселение, по площади не уступающее будущему кушанскому городу, но в отличие от него с рассредоточенной планировкой, для которой характерно сочетание небольших участков застройки с большими свободными от жилья пространствами. В домостроительстве наряду с надземными зданиями из сырцового кирпича широкое распространение получили каркасные жилища типа полуземлянок.

В истории первоначального поселения на Дальверзин-тепе тем не менее многое еще неясно. В частности, это относится к не разработавшемуся еще вопросу о происхождении первых насельников города. Тщательные разведки показали, что вблизи Дальверзин-тепе нет ни крупных, ни мелких поселений предшествующих эпох. Ближайшее место концентрации памятников V—IV вв. до н. э. — район кишлака Миршаде²¹, откуда после запустения этого оазиса часть его жителей, по нашему мнению, могла переселиться в долину Сурхандарьи и основать поселение на Дальверзин-тепе.

Вероятно, во второй половине I в. до н. э. или в начале I в. н. э. в юечжийско-кушанское время на месте первоначального ядра поселения формируется цитадель с мощными (шириной до 7 м) стенами и рвом. Неукрепленное поселение преобразуется в собственно город, который отличается четкий прямоугольный план, и обведенный по периметру стенами. Внутри города происходят значительные перестройки. Таким образом, с этого периода Дальверзин-тепе вступает в новый этап своей истории, который можно охарактеризовать как городской. Дальнейшее развитие этого процесса приходится на великокушанское время, когда территория внутри города подвергается значительной перепланировке, возводятся монументальные жилые комплексы, производственный квартал и т. д., однако внешний облик города остается тем же, только дополнительно усиливаются стены. Формируется обширная пригородная часть, в которой, с одной стороны, концентрируются культовые и погребальные здания, а с другой, — сельскохозяйственные угодья. Площадь Дальверзин-тепе вместе с пригородной зоной в период наивысшего расцвета составляла около 50 га, причем на собственно город и цитадель приходилось немногим более 30 га.

В третью группу входят поселения, которые своим генезисом связаны с юечжийским или кушанским временем. Количественно это самая большая группа, которая составляет примерно 70—80 поселений, что в четыре раза больше второй группы и в 35—40 раз больше первой группы. Если в дальнейшем выяснится, что еще какая-то часть поселений третьей группы основана в греко-бактрийское или ахеменидское время (а это не исключено, хотя по данным стратиграфических исследований большинство мелких поселений возникло в I в. до н. э. — I в. н. э.), то и тогда их останется значительно больше.

Чем же объяснить этот феномен? Что привело к столь резкому количественному возрастанию поселений на территории юга Узбекистана и, надо полагать, в остальной части Северной Бактрии?

²¹ Р т в е л а д з е, К характеристике..., стр. 262—265; А. С. Сагдуллаев, К эволюции древних поселений Южного Узбекистана, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1976, 9, стр. 32—34; А. С. Сагдуллаев, З. А. Хакимов, Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (По итогам работы 1973—1974 гг.), «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 24—29.

Остановимся на ряде проблем, связанных с этим вопросом. Весьма сложна проблема хронологического расчленения двух периодов — юечжийского и раннекушанского — по археологическим данным. На современном этапе наших знаний утверждение о том, что то или иное поселение возникло, к примеру, не в кушанское, а в юечжийское время, может быть только гипотетичным. Обычным основанием для датировок служит керамика, но ее хронологическая шкала не настолько четко разработана, чтобы отличить керамику второй половины I в. до н. э. от керамики первой половины I в. н. э. Установлен и такой показатель, как находки на поселениях юечжийских монет, чеканенных по образцу монет Гелиокла, поскольку они обращались вплоть до правления Кадфиза II²². При таком положении вещей лучше пока говорить об юечжийско-кушанском периоде возникновения поселений, имея в виду, что какая-то часть из них возникла в период юечжийского объединения, а другая во времена кушанского царства. В то же время нельзя отрицать, что при юечжах происходил постепенный процесс не только оседания их в старых доюечжийских пунктах Северной Бактрии, но и основания новых поселений. Так, В. М. Массон полагает, что в этот период возникло городище Зар-тепе и ряд мелких поселений в Ширабадском оазисе²³. Однако к этому процессу следует подходить дифференцированно, поскольку не вся юечжийская эпоха в истории Северной Бактрии может считаться периодом градостроительного подъема.

Недавно Е. А. Давидович рассмотрела под новым углом зрения сведения источников и выделила три этапа в истории юечжей Бактрии²⁴. Ту же периодизацию, как нам представляется, можно применить и к градостроительному процессу, происходившему при юечжах. К сожалению, продолжительность каждого из периодов неизвестна, но в общем можно полагать, что они длились со второй четверти II в. до н. э. по начало I в. н. э. На первом этапе, после вторжения в Бактрию, юечжи, как это видно из описания Чжан-Цзяня (между 130—125 гг. до н. э.), обосновались к северу от Амударьи и вели кочевой образ жизни²⁵. Следовательно, для этого времени, т. е. для конца II в. до н. э., не может быть речи об основании ими новых оседлых поселений. Напротив, кочевой образ жизни юечжей противопоставляется оседлому — аборигенов Бактрии, у которых были укрепленные стенами города и поселения. Процесс частичного приобщения юечжей к оседлой жизни имел место на втором этапе; когда он начался и закончился — не ясно, но происходило это ранее 25 г. н. э. На этом этапе, вероятно, какая-то часть юечжей поселяется в старых бактрийских городах, в частности, в учрежденной царем государства Больших юечжей резиденции к северу от Амударьи, но имело ли место основание новых поселений — остается неизвестным²⁶. Данный этап можно охарактеризовать как этап определенной политической стабилизации и оформления государства Больших юечжей, которое делилось на пять независимых владений. Но это временное спокойствие длилось недолго и было нарушено уже на следующем третьем этапе, когда кушаны подчиняют себе остальные четыре владения. Представляется, что стремление кушан к гегемонии

²² М а с с о н, Кушанские поселения..., стр. 11.

²³ Там же, стр. 11; В. М. М а с с о н, Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии, сб. «История и культура античного мира», М., 1977, стр. 141.

²⁴ Е. А. Д а в и д о в и ч, Новый клад тетрадрахм кушанца «Герая», ВДИ, 1976, № 4, стр. 60—62.

²⁵ И. Я. Б и ч у р и н, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии древнейшие времена, II, М.—Л., 1950, стр. 151.

²⁶ Д а в и д о в и ч, ук. соч., стр. 61. По мнению Г. А. Пугаченковой, этой столицей мог быть Дальверзин-тепе (Г. А. П у г а ч е н к о в а, К иконографии Герая, ВДИ, 1965, № 1, стр. 134).

в Бактрии сопровождалось серьезными столкновениями, а, следовательно, трудно допустить, чтобы в подобной ситуации закладывались новые города и селения²⁷. Затем наступил период длительных завоеваний, которые вели кушаны при Кадфизе I и Кадфизе II. Мирная пора в государстве началась лишь в правление последнего и, по-видимому, не сразу. Таким образом, можно предположить, что политическая ситуация в стране до Кадфиза II не была особенно благоприятной для проведения широкой политики строительства новых городов и селений, хотя, конечно, какая-то их часть, в частности — крепости, могла возникнуть и в это время.

Большой приток юечжей в Бактрию значительно увеличил количество жителей в этой стране. Даже если только часть кочевников осела в старых бактрийских городах на втором и третьем этапе, то уже в этом случае их население должно было возрасти. В период политической и военной стабилизации и общего подъема Кушанского государства при Кадфизе II происходил дальнейший рост поселений за счет перехода большей части кочевников к оседлой жизни, естественного прироста населения и возможного притока из других областей (в частности из Индии). Вероятнее всего, что именно в это время была основана большая часть поселений третьей группы. В старых городах и селениях первой и второй группы благодаря указанным выше факторам могло создаться избыточное население, которое властями переселялось в сельские местности. Характерно, что при кушанах в Сурхандарьинском регионе, быть может за исключением Зар-тепе²⁸, не было основано ни одного крупного города; все они на этих местах существовали задолго до кушан, хотя при последних были заново обстроены, значительно выросли как в градостроительном, так и в демографическом отношении и приобрели новые планировочные черты. Подлинным порождением кушанской эпохи явились многочисленные мелкие поселения сельского типа площадью от 0,2 до 1 га, одночастные по своей структуре, с примитивной фортификацией или вообще без нее. По характеру планировки среди них выделяется два типа и ряд вариантов²⁹. Они составляют около половины общего числа известных сейчас кушанских памятников Сурхандарьинского региона. Бесспорно сельский характер этих поселений подтвержден раскопками Ак-Кургана и Мирзакул-тепе³⁰. Топография их показывает, что за редкими исключениями все они группируются вокруг крупных городских центров и небольших городков, находящихся как бы в подчиненном от них положении. Вполне вероятно, что, во всяком случае, часть этих поселений могла специально создаваться для обеспечения городов сельскохозяйственными продуктами.

Судя по стратиграфическим исследованиям, в кушанское время зародился и другой тип мелких поселений площадью от 1 до 3 га, который мы относим к типу небольших городищ, но не к крупным городищам³¹. Для

²⁷ Батальные сцены в Халчайанском дворце хорошо иллюстрируют сложную обстановку борьбы кушан за власть (Г. А. Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, М., 1971).

²⁸ Не исключено, что небольшое поселение на месте Зар-тепе или вблизи него возникло в греко-бактрийское время, — возможно, об этом свидетельствует найденная здесь монета Агафокла.

²⁹ Ртвеладзе, Разведочное изучение..., стр. 84; Массон, Кушанские поселения..., стр. 8.

³⁰ Ш. Р. Пидеев, Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-Курган в Северной Бактрии, СА, 1976, № 1, стр. 186—197; он же, Мирзакул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 68—76.

³¹ Ртвеладзе, Разведочное изучение..., стр. 84; Массон, Кушанские поселения..., стр. 8.

планировочной структуры этих городов характерны четкие прямоугольные или подквадратные очертания, трехчастное деление: цитадель, собственно «город» и «пригородная» часть, наличие хорошо развитой фортификации (стены, башни, ров у цитадели, оборонительная стена и ров у собственно «города»). По плану и структуре они повторяют в миниатюре планировочную схему большого города типа Дальверзин-тепе и Зар-тепе. Между тем В. М. Массон, критикуя мою точку зрения об отнесении их к городам (у меня сказано — небольшим городищам или небольшим городкам), пишет, что «по материалам Шор-тепе и Мирзакул-тепе, однако, не приходится говорить об осуществлении такими поселениями каких-либо специфических городских функций»³².

Следует, однако, подчеркнуть, что нельзя объединять в одну группу сильно укрепленные городки типа Хайрабад-тепе и типично сельские поселения типа Мирзакул-тепе, которые разительно отличаются от них по своей планировочной структуре, а следовательно, и по выполнявшимся функциям. Если поселения типа Ак-Курган и Мирзакул-тепе — сельские, то поселения типа Хайрабад-тепе, судя по их мощным укреплениям, скорее всего, специально создавались как государственные крепости для защиты слабо укрепленных или вообще не укрепленных сельских поселений от набегов кочевников и горцев. Не исключено, что они, как полагает В. М. Массон, могли выполнять и административно-фискальные функции и что в них также проживала какая-то часть сельского населения страны.

В этом отношении характерна топография группы поселений, объединенных общим названием Бай-тепе. В нее входят четыре поселения, центральным из которых явилось Б-51, представляющее собой тип небольшого укрепленного стенами городка или крепости с цитаделькой, также обведенной стенами и рвом. Остальные три поселения, расположенные в радиусе до 2 км от него, являют собой тип мелких бесцитадельных сельских поселений площадью от 0,5 до 0,9 га³³. Судя по различию в планировочной структуре и характеру укреплений, поселение Б-51 в этой группе занимало доминирующее положение и не исключено, что оно служило местопребыванием военного гарнизона и специального правительственного чиновника, ведавшего сбором налогов и осуществлявшего фискальный надзор.

В третью группу можно включить и поселения специального назначения, преимущественными функциями которых были охрана и распределение воды, а также контроль над проходящими мимо караванными дорогами. Эти укрепленные поселения расположены при выходе рек из горных ущелий в равнинную или адырную зону в голове отходящих от них каналов и арыков. К числу таких поселений относятся Кафыр-кала на Ширабаддарье, Сар-и Банд на Кофрун-сае³⁴ и Тарагай-тепе на Халкаджаре.

В связи с установленным фактом широкого распространения поселений сельского типа, генезис которых связан с кушанской эпохой, нельзя не обратить внимания на количественное соотношение их с городскими центрами. По нашим подсчетам к числу крупных и средних городов в Сурхандарьинском регионе по всем показателям (размер, планировочная структура, наличие монументальной архитектуры и ремесел, возможного количества населения, развитой фортификации и т. д.) можно отнести около 10 поселений (Термез, Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Джандавлят-тепе, Хайтабад-тепе, Караул-тепе, Талашкан-тепе II, Халчян и др.), немногим более 20 относятся к типу небольшого городка и около 60 —

³² М а с с о н, Кушанские поселения..., стр. 8—9.

³³ Р т в е л а д з е, Разведочное изучение..., стр. 79—80.

³⁴ Э. В. Р т в е л а д з е, М. Х. И с х а к о в, Плотина Сар-и Банд, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1977, стр. 20.

к крупным и мелким поселениям сельского типа, остальные не поддаются учету из-за разрушений или представляют поселения специального назначения. Таким образом, соотношение между городскими центрами и сельскими поселениями, без учета небольших городков, будет примерно составлять 1 : 6, т. е. на один крупный или средний город в кушанскую эпоху приходилось шесть сельских поселений³⁵. Столь большая разница позволяет уверенно говорить о большой роли сельских поселений и их жителей в создании кушанского экономического потенциала и мощи Кушанского государства. И хотя последнее было государством в большой мере урбанизованным, но не в такой степени, как это может показаться на первый взгляд, без учета соотношения между типами поселений.

Э. В. Ртвеладзе

KUSHAN SETTLEMENTS IN NORTHERN BACTRIA

E. V. Rtveladze

Explorative trips through southern Uzbekistan have discovered 110 archaeological sites of the Kushan epoch of which about 30 have been subjected to stratigraphical analysis. In a very small number of sites the earliest strata go back to the Achaemenid period. Another group of multi-stratum sites originated in the Graeco-Bactrian and Yue-chi period. A third group belongs wholly to the Yue-chi and Kushan era. This, the largest group, comprises some 70 or 80 settlements, most of them little villages or very small towns, and marks the real beginning of the Kushan epoch. In this group the ratio of middling or large town-sites to rural settlements is 1:6, suggesting that the rural settlements and their inhabitants played a big role in creating the economic potential and power of the Kushan state.

---

³⁵ К сожалению, ввиду отсутствия точных данных о числе кушанских поселений и соотношении между городскими центрами и сельскими поселениями в других районах Северной и Южной Бактрии невозможно провести сейчас точный подсчет, но представляется, что картина и в этих районах была примерно такой же.